

Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации*

Андрей Семенов

Кандидат политических наук, директор Центра сравнительных исторических и политических исследований, доцент кафедры политических наук
Пермского государственного национального исследовательского университета
Адрес: ул. Букриева, д. 15, г. Пермь, Российская Федерация 614990
E-mail: andreysemenov@comparativestudies.ru

В данной статье анализируются возможности и ограничения событийного анализа протестов (protest event-analysis) в изучении политической мобилизации. Событийный анализ, являясь разновидностью контент-анализа, позволяет воссоздавать динамику политической мобилизации и ее ключевые характеристики на основе разнообразных текстовых источников (отчеты полиции, дневники наблюдения, сообщения в массмедиа). История появления событийного анализа тесно связана с развитием сравнительного метода в социальных науках и конкуренцией теорий коллективного действия и социальных движений. Запрос на масштабные кросс-национальные сравнения и квантификацию социально-политических явлений вместе с пионерскими работами Чарльза Тилли создали предпосылки для систематического сбора данных о протестных событиях. Четыре поколения развития метода позволили не только сформировать ключевые понятия теории коллективных действий («структура политических возможностей», «цикл протеста», «репертуар протеста» и др.), но и значительно улучшить процедуры сбора и обработки информации о политической мобилизации, в частности, за счет триангуляции данных и полуавтоматического кодирования. В статье также анализируются источники систематических ошибок в сборе данных о протестных событиях (селективное освещение, ошибки описания и кодирования данных) и возможные варианты их корректировки. Рассматривается опыт применения событийного анализа протестов к российской реальности, указывается на особый характер вызовов, с которыми сталкиваются исследователи, работающие с российским материалом (пространственная гетерогенность, низкое качество сообщений в СМИ в отсутствие значимых альтернативных источников, смещение в освещении протестов в сторону крупных городов). На примере создания базы данных «Состязательная политика в России» анализируются методики и варианты решений проблем, возникающих в ходе событийного анализа.

Ключевые слова: событийный анализ протестов, политическая мобилизация, коллективные действия, социальные движения, протестная активность, сравнительная социология

© Семенов А. В., 2018

© Центр фундаментальной социологии, 2018

DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-317-341

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-311-00195 «Факторы коллективной мобилизации в России: кросс-региональный анализ».

Политическая мобилизация и ее производные (революции, социальные движения, массовые протесты), в отличие от рутинных политических процессов (партийных собраний, бюрократического делопроизводства, чтения политических новостей), обладают важным свойством: они выделяются на фоне повседневности. Иными словами, политическая мобилизация эпизодична, ее «жизненный цикл» ограничивается более или менее связным набором событий, которые обозначают границы мобилизации (подъем, кульминация и упадок). Событийность, таким образом, является одним из определяющих признаков мобилизации: посредством публично наблюдаемых коллективных действий по предъявлению требований участники устанавливают взаимодействие с государством, третьими сторонами и широкой публикой; в событийном акте протеста устанавливается коммуникация и солидарность, формируются коллективные формы и механизмы координации действий; наконец, реакция со стороны правительства, массмедиа и других сторон удостоверяет «значимость» событий, связанных с мобилизацией. События, составляя лишь малую, но наиболее видимую часть процесса мобилизации, позволяют зафиксировать ряд ее существенных характеристик: место и время, продолжительность, состав участников, характер требований и многие другие. Из представления о конституирующей роли событий и возникает событийный анализ протестов (*protest event-analysis*, PEA) как один из методов исследования политической мобилизации.

Социология социальных движений выработала достаточно обширный инструментарий изучения протестной политики. Теоретико-игровое моделирование, опросы общественного мнения, лабораторные эксперименты, интервьюирование и антропологические методы, работы с архивами — все эти методы использовались для поиска ответов на вопросы о том, почему индивиды мобилизуются на протестные действия, как происходит выбор стратегии и тактики, как выстраивается взаимодействие с объектом предъявления требований и т. д. Событийный анализ возник в период, когда, с одной стороны, накопленные противоречия между различными теориями требовали их последовательной эмпирической проверки, а с другой — сформировалось представление о квантификации как способе выявления паттернов в социальном мире в рамках постпозитивистского взгляда на науку. В той или иной степени все исследователи мобилизации опираются на понятие «событие», более того, ведутся дебаты по поводу того, что определяет границы этого понятия (Wagner-Pacifici, 2010, 2017), в которых проблематизируется внутренняя связность (в том числе пространственно-временная) «события» как аналитической категории. Исследователи указывают на процессуальность мобилизации, неизбежную потерю информации при разложении длительных «эпизодов» на составляющие (della Porta, 2008).

Из дискуссии о возможностях и ограничениях событийного анализа протестов и возникла потребность в данной статье. Будучи тесно связанным с одним из направлений социологии социальных движений — теорией политического процесса, этот метод за более чем полвека своего существования существенно обогатился за

счет диалога с другими теориями. Данный материал призван ответить на вопросы о том, каковы концептуальные и методологические основания событийного анализа, как происходило развитие метода, как он применялся к изучению мобилизации в России. Опираясь на собственный опыт разработки «каталога протестных событий», я обращаюсь к практике создания базы данных «Состязательная политика в России», охватывающей все регионы страны за период 2012–2013 гг., опишу методологические и методические трудности и способы их преодоления. Мой основной аргумент заключается в том, что событийный анализ в случае адекватного сбора данных и корректного применения (в первую очередь понимания ограничений, связанных с ним) обладает значительными аналитическими возможностями как для анализа динамики мобилизации, так и для широких сравнительных исследований.

Событийный анализ протестов: история развития

Социологические методы исследования мобилизации развивались в диалоге различных исследовательских направлений. Холизм европейской традиции с акцентом на применении «больших теорий» (в первую очередь марксизма) может быть противопоставлен аналитическому подходу, характерному для американских исследователей¹. Европейская социология «новых социальных движений» (А. Турен, М. Кастельс, А. Мелуччи, Д. Делла Порта) рассматривает классовую структуру и ее трансформации в позднеиндустриальный период в качестве основополагающего фактора мобилизации. В этой перспективе отдельные события не имеют большого значения по сравнению с социальными размежеваниями. Американская традиция изучения коллективных действий, основываясь на ином эмпирическом материале, а также будучи в большей степени связанной с постпозитивистской парадигмой, развивалась в сторону разработки аналитических инструментов, позволяющих «расщеплять» длительные процессы на составляющие. Событийный анализ возник как методологический ответ на вызовы широких сравнительных исследований феномена мобилизации.

Роберто Францози отмечает, что корни событийного анализа восходят к рутинизации практики исповеди в западном христианстве Четвертым Латеранским собором 1215 года, созданию шаблона, описывающего обстоятельства совершения греха и предполагавшего ответы на вопросы *quis, quid, quando, ubi, cur, quomodo* (кто, что сделал, когда, где и почему). Этот шаблон появляется уже в трудах античных риториков, хотя набор вопросов мог отличаться (Robertson, 1946). Событийный анализ хотя и основывается на других источниках, нежели исповедь, разделяет с последней фундаментальную черту: он описывает обстоятельства совершенного действия, содержание которого представляется экстраординарным по отношению к повседневной рутине. В политической социологии анализ таких событий (рево-

1. Ограничения по объему не дают возможности полноценно раскрыть все аспекты этих дискуссий, для исчерпывающего обзора по теме можно обратиться к работе Карла Оппа (Opp, 2009).

люций, восстаний, войн, гражданских конфликтов, вспышек насилия) не являясь редкостью, но составление систематических каталогов таких явлений вошло в практику относительно недавно.

Событийный анализ — это разновидность контент-анализа, поскольку каталоги событий составляются на основе текстового материала (обычно — отчетов органов государственной статистики или полиции, сообщений в прессе, реже — дневников наблюдения и других источников личного происхождения). Трансформация «слов в цифры» имеет ряд подводных камней: Чарльз Тилли отметил, что «каждый, кто составляет (каталоги событий), с необходимостью должен думать о проблемах селективности, надежности, верифицируемости, сопоставимости, границах и инклюзивности» (Tilly, 2002: 249). Иными словами, любой каталог протестных событий уже основывается на определенной теории, т. е. ответе на вопрос: каковы должны быть необходимые и достаточные характеристики события, чтобы считать его протестным? Вероятность попадания того или иного события в каталог зависит от концептуализации, что особенно важно в контексте динамики социальных изменений. Так, развитие новых форм (арт- или онлайн-активизм) заставляет пересматривать критерии включения и расширять предметное поле. Именно с изменениями в концептуализации понятия «протест», которое становилось все более инклюзивным, точным в определении ключевых характеристик и чувствительным к контексту, связана эволюция событийного анализа.

Свен Хуттер отмечает, что событийный анализ стал «ключевой методологической новацией, возникшей в рамках изучения социальных движений» (Hutter, 2014: 335). Сам метод берет свое начало в 1960-х годах под воздействием общего для социальных наук движения в сторону квантификации и широких кросс-национальных сравнений, а также появления альтернативных объяснительных моделей мобилизации. Работы Брюса Рассета, Чарльза Тейлора и Майкла Хадсона, Чарльза Тилли и его коллег стали первыми систематическими попытками собирать каталоги протестных событий (Russet, 1964; Taylor, Hudson, 1975, 1986; Tilly, Schweitzer, 1977). Брюс Рассет и его коллеги в рамках Всемирной программы анализа данных Йельского университета стали пионерами сбора обширной информации для кросс-страновых сравнений, результаты которых публиковались в серии Всемирных книг социально-политических индикаторов. Второй выпуск серии, охватывавший период с 1948 по 1967 год, содержал информацию о демонстрациях (как антиправительственных, так и прорежимных), забастовках, восстаниях, политических убийствах и ряде других событий, основным источником выступали публикации в «New York Times» и «Associated Press» (Taylor, Hudson, 1975). Третий выпуск серии стал наиболее объемным с агрегированными данными по ключевым социально-экономическим индикаторам 155 стран и тремя отдельными частями, посвященными событиям в 139 странах в период 1948–1982 гг. с точностью до одного дня, а также агрегированными до уровня квартала и года (Taylor, Jodice, 1986). Статистика Межуниверситетского консорциума по политическим наукам, где хранятся эти серии, демонстрирует широкий спектр исследований, в которых

использовались данные проекта². Ряд работ, посвященных политической мобилизации, стали классическими (см., например: Davenport, 1997; Jenkins, Schock, 1992). Основной проблемой оставалась селективность (данные о протестах собирались из ограниченного круга источников, имевших различные, но, как правило, достаточно высокие пороги включения) и недостаточное «разрешение» по ключевым характеристикам событий: например, в России данные проекта фиксируют 1027 протестов на протяжении периода 1990–2004 гг. с пиками в 1991 и 1997 годах. И хотя эти данные в целом отражают общий тренд, точными их назвать никак нельзя, что демонстрируется в работах Марка Бейссингера и Грэма Робертсона (Beissinger, 2002; Robertson, 2011).

Другой проблемой проекта Всемирных индикаторов оставалась концептуализация политической мобилизации: отвечая на вопрос «что происходит?», исследователи не задавались вопросами «почему?». В дискуссиях между альтернативными теориями мобилизации, в частности, моделями относительной депривации Теда Гурра (Gurr, 1970), избирательных стимулов коллективного действия Манкура Олсона (Olson, 2009), ресурсной мобилизации Джона Маккарти и Маера Залда (McCarthy, Zald, 1977) и теорией структуры политических возможностей/политического процесса Чарльза Тилли, рождается новый инструмент анализа политической мобилизации, который заключается в составлении систематических каталогов протестных событий. Подъем социальных движений конца 1960-х годов и этнически/расово мотивированные бунты дают эмпирическую основу для систематической проверки разных моделей. На этом материале формируется концептуальный аппарат исследований мобилизации: Питер Эйсингер, анализируя протесты в 43 американских городах в 1968 году, формулирует понятие «структура политических возможностей» и выдвигает важную гипотезу, что именно открытость/закрытость этой структуры определяет основные параметры мобилизации (Eisinger, 1973). Отталкиваясь от его идеи, Тилли проводит масштабный анализ четырех столетий политической мобилизации во Франции (Tilly, 1986) и «протестных собраний» в Британии времен Индустриальной революции, что позволило ему выделить одну из центральных характеристик протестной активности — репертуар протестного действия. Именно репертуаром отличаются до-современные формы протестных действий от современных: первым присуща партикулярность, локальность, парохальность, тогда как последние модулярны, универсальны и ориентированы на национальные правительства (Tilly, 1995).

Второе поколение продолжило разрабатывать мобилизацию в контексте «расширения возможностей», результатом чего становится формирование теории политического процесса в работах Ханспитера Кризи и его коллег «Политическая мобилизация в Швейцарии, 1945–1978 годы» (Kriesi, 1981) и «Новые социальные движения в Западной Европе: сравнительный анализ» (Kriesi et al., 1995), в книге Дугласа Макадама «Политический процесс и развитие цветного повстанчества

2. Inter-university consortium for political and social research (<https://www.icpsr.umich.edu/icpsrweb/index.jsp>).

в Америке, 1930–1970 годы» (MacAdam, 1982) и Сиднея Тарроу. Последний, опираясь на анализ протестных акций в Италии в 1968–1972 гг., формулирует другое ключевое понятие теории политического процесса — «цикл протеста», которое указывает на волновой характер политической мобилизации и характеризуется интенсификацией конфликтов, географическим и секторальным расширением протестов, созданием новых организаций коллективного действия, созданием новых мобилизационных «фреймов» и изобретением новых форм действия (Tarrow, 1993: 284). Однако несмотря на ряд концептуальных новаций, второе поколение событийного анализа оставалось принципиально отграниченным рамками отдельных видов протестов, в фокусе внимания исследователей были забастовки, возведение баррикад, политическое насилие, в меньшей степени они были озабочены вопросами надежности и полноты охвата данных, проблемы, которые довольно скоро выявились в событийном анализе на основе прессы (Danzger, 1975).

Третья волна продолжила курс на расширение кросс-национального компонента, в том числе с применением методов полуавтоматического кодирования. Проект «База данных протестов и принуждения в Европе» (European protest and coercion data, EPCD)³ включил 28 европейских стран и охватывал период с 1980 по 1995 год, использовал протокол Канзасской системы обработки событийных данных (Kansas Event Data System, KEDS)⁴ для предварительной обработки первичных данных, что имело два значимых преимущества: существенное ускорение процесса кодирования и снижение влияния человеческого фактора (Schrodt, Hall, 2006). Протокол KEDS был основан на проектах изучения международных конфликтов, и в дальнейшем эволюционировал в целый ряд баз данных с информацией о конфликтных событиях в мире, например, Интегрированную базу данных для событийного анализа (Integrated Data for Events Analysis, IDEA) и «Феникс»⁵. Другим масштабным проектом этого поколения стало исследование Дуга Имига и Сиднея Тарроу (2001) о состязательной политике в Западной Европе (Imig, Tarrow, 2001).

Исследователи в этот период плотно занимаются проблемой оценки смещения/систематических ошибок (bias) в данных в связи с особенностями источников. Питер Хокке одним из первых предложил сравнить освещение протестной активности в СМИ разного уровня и пришел к выводу, что локальные медиа оказываются гораздо более чувствительными к публичным коллективным действиям (Hoske, 1999). Проверке надежности и репрезентативности событийных каталогов были посвящены отдельный выпуск журнала «Мобилизация» (№ 2 за 1999 год, редакторы Дитер Рухт и Руд Коопманс), сборник под редакцией Рухта, Коопманса и Найдхарда (Rucht, Koopmans, Neidhardt, 1999) и обзорные статьи Дженнифер Эрл и др. (Earl et al., 2004), Дэвида Ортиза и др. (Ortiz et al., 2005), в которых подробно рассматриваются два источника систематических ошибок: избирательность внимания медиа к протестным событиям (selection bias) и неопределенность/противо-

3. European protest and coercion data (<http://web.ku.edu/~ronfrand/data/>).

4. Kansas Event Data System (<https://www.aaas.org/page/kansas-event-data-system-keds-project>).

5. Event Data Sets (<http://eventdata.parusanalytics.com/data.html>).

речия в описании самих событий (description bias). На вероятность освещения протестов в СМИ влияет целый ряд факторов: от характеристик самого события (интенсивность, присутствие полиции, применение насилия, новизна темы) до наличия корреспондентского пункта и медийной повестки дня. Дэвид Ортиз и его коллеги справедливо отмечают, что газетные статьи пишутся не для социальных исследований, равно как и не имеют целью осветить все события или их репрезентативную выборку (Ortiz et al., 2005: 397)⁶, однако меры предосторожности, о которых речь пойдет ниже, могут сделать полученные на основе медиасообщений данные более валидными.

Наконец, четвертая волна исследователей продолжила оспаривать границы понятий, раскрывая множество микропроцессов внутри «черного ящика» протестных событий и пытаясь преодолеть структуралистский посыл «протестоцентричности» метода. Так, Руд Коопманс и Пол Стетхем указывают, что «ивент-анализ имеет тенденцию представлять протест как „объективное явление“ в ущерб осмыслению политических требований, которые и являются мобилизующей силой» (Coopmans, Statham, 1999: 210), и потому предлагают объединить ивент- и дискурс-анализ. Роберто Францози разработал модель «семантических триад» субъект—действие—объект для событийного анализа, позволяющую учитывать множественность линий взаимодействий внутри события протеста (Franzosi, 2004). Отталкиваясь от этой идеи, Х. Кризи и его коллеги применили «анализ корневых предложений» (core sentence analysis) к политическим конфликтам в странах Западной Европы, который позволяет фиксировать отношения между акторами или между актором и проблемной областью (issue) (см.: Kriesi et al., 2012: 41–43 для подробного описания метода).

Продолжая линию С. Хуттера, в связи с развитием технологий можно говорить о событийном анализе «пятого поколения», например, в рамках проекта «больших данных» вроде Глобальной базы данных о событиях, языке и тоне (Global Database of Events, Language and Tone, GDELT), которая обрабатывает информацию практически в реальном времени (с задержкой в 15 минут) о более чем 300 типах событий во всех странах мира, используя сообщения сети Интернет на более чем 100 языках (Leetaru, Shrodt, 2014). Итогом пяти поколений развития событийного анализа можно считать накопленное знание о его возможностях и ограничениях, включая этапы концептуализации/включения, отбор источников, вероятные причины смещений и способы их контроля, процедуры кодирования и агрегирования.

Событийный анализ протестов и динамика состоятельности в России

Постсоциалистические страны (включая Россию) стали ареной для применения событийного анализа протестов уже в 1990-е годы. Так, Лариса Титаренко и ее кол-

6. Один из вариантов решения проблемы предложен Крэйгом Баерляйном и его коллегами в рамках проекта Национальное исследование протестных событий и заключается в формировании «гиперсетевой выборки» (hypernetwork sampling) событий (Beyerlein K. et al., 2016).

леги, используя данные отчетов МВД Республики Беларусь за 1990–1995 гг., демонстрируют влияние циклов государственных репрессий на выбор протестующими репертуара: в период «демократического транзита» наблюдалось доминирование «слабых» коллективных акторов, тактику которых впоследствии, в период усиления репрессий, заимствовали более сильные участники (Titarenko et al., 2002). Гжегорж Экерт и Ян Кубик в сравнительном исследовании «состязательной политики» в четырех «новых демократиях» (Восточная Германия, Польша, Венгрия и Словакия) за период 1989–1994 гг. доказывают, что вариация в размахе, репертуаре и стратегиях протеста не может быть объяснена исключительно конфигурацией «объективных» (экономических или политических) факторов или относительной депривацией, скорее — комбинацией ресурсов и институциональных возможностей (Ekiert, Kubik, 1996). На основе EPCD с 2009 по 2013 год Центром социальных исследований осуществлялся сбор данных о протестных событиях на Украине (см., например: Ищенко, 2013).

Россия стала объектом применения событийного анализа еще в 1990-е годы, например, группой социологов из Санкт-Петербурга была осуществлена попытка адаптировать уже упоминавшийся проект PRODAT (Костюшев, 1999). Однако первые масштабные по охвату и глубине каталоги российских протестов связаны с работами Марка Бейссингера о мобилизации национализма в позднем Советском Союзе (Beissinger, 1996, 2002). Основываясь на широком круге источников (в основном в советской и зарубежной прессе, всего более 150), он собрал информацию о 6644 демонстрациях и 2173 массовых насильственных акциях на протяжении 1987–1992 гг., которая позволила описать процесс национальной мобилизации в позднем СССР, а также выявить факторы, ведущие к применению насилия в ходе этой мобилизации. Важным выводом исследования является аргумент в пользу самостоятельного значения протестных событий: Бейссингер показывает, что динамика националистической мобилизации в позднем СССР носила характер цунами, то есть успешная демонстрация движения в одних республиках запускала мобилизацию в других. В более позднем совместном с Гвендолин Зассе исследовании каталог протестов уже охватывает все страны Восточной Европы в период 2007–2010 гг. В нем фокус также сделан на массовых демонстрациях (не менее 100 человек), забастовках и массовом насилии, а источником данных выступили информационные агентства «Associated Press», «Agence France Presse», «Deutsche Press Agentur» и «Interfax» (Beissinger, Sasse, 2014: 365–366).

Более чувствительным к разнообразию форм и проблемных областей коллективной мобилизации стали исследования Грэма Робертсона. Два каталога, составленных им, опираются на отчеты МВД и Института коллективного действия и охватывают период с 1997 по 2000 год и с 2007 по 2010 год соответственно. Отчеты («сводки») МВД позволили отследить тип события, локацию, тип участников, их число, экономический сектор, продолжительность и тип требований (Robertson, 2011: 14); всего было зафиксировано 5822 события. Отчеты ИКД отражают ситуацию 10 лет спустя и кодировались по аналогичной схеме, всего 5726 событий по-

пало в базу данных. Грэм Робертсон справедливо отмечает возможные смещения в данных, поскольку отчеты МВД — это взгляд на протесты «глазами полицейского», а сводки ИКД — глазами «симпатизирующих журналистов и социологов» (Robertson, 2013: 15). Источником таких смещений выступают как наличные ресурсы и возможности по сбору данных, так и стимулы для составителей отчетов и сводок отбирать и фиксировать определенную информацию. Несмотря на различия в источниках, на агрегированном уровне данные позволяют проследить фундаментальные изменения по ряду характеристик протестных событий: так, если в конце 1990-х годов 72–74 % событий касались невыплаченной заработной платы и трудовых прав, а остальные вопросы оказывались на периферии (требования политических изменений и изменений политического курса набирают лишь по 5 %), то в конце 2000-х ситуация кардинально меняется, требования выплат сократились до 6 %, тогда как протесты, связанные с городским развитием/окружающей средой («проблемы роста», иными словами) составили 28 % от общего числа, а требования изменить политический курс — 22 % (Robertson, 2013: 20). Также протесты все больше стали концентрироваться в столицах (Москве и Санкт-Петербурге), а репертуар трансформировался из прямых действий по преимуществу в символический.

Другой попыткой создать комплексный каталог протестов с всероссийским охватом предприняли Томила Ланкина и Алиса Возная (Lankina, Voznaya, 2015). На материале сообщений сайта pamarsh.ru (создан Гарри Каспаровым для распространения информации о Маршах несогласных, сейчас в какой-то мере аналог ИКД) они сформировали базу данных из 4726 событий за период с марта 2007 по декабрь 2012 года. В дополнение к традиционным переменным (локация, количество участников, репертуар) кодировались «категории протеста»: политические, экономические, социальные, правовые, экологические и культурные, последние три позже объединяются в категорию «гражданские», их соотношение в целом по стране: 38 % — политические, 15 % — экономические, 20 % — социальные и 26 % — гражданские (Lankina, Voznaya, 2015: 332). Важной особенностью этой базы данных является возможность проследить вариацию на уровне регионов, хотя к этому измерению надо подходить с известной осторожностью, поскольку, как и любой активистский ресурс, pamarsh.ru имеет смещение данных по корреспондентской сети. Тем не менее данные Т. Ланкиной и А. Возной подтверждают предположение о значительной региональной вариации в масштабе и характере мобилизации: регионы Севера, Волго-Вятского и Центрального экономических районов отличаются большей долей (41–42 %) политических протестов, Дальний Восток, Центральное Черноземье, Восточная Сибирь и Урал — экономических (от 39 до 23 %). Социальные протесты сильнее всего в Калининграде (33 %), Приволжском и Западно-Сибирском (26 %) регионах, а регионами — лидерами по гражданским протестам являются Северный Кавказ (37 %), Центральный и Северо-Западный округа (31 % и 30 %). На основе этих же данных Ланкина рассматривает постэлекторальную мобилизацию 2011–2012 гг. и приходит к выводу о существенной

связи между уровнем фальсификаций и поствыборными протестами (Lankina, Skovoroda, 2016).

Движение «За честные выборы» 2011–2012 гг. стало основой и для целого ряда других исследований с использованием ивент-анализа. Продолжительность кампании, географический охват, интенсивность (почти каждый месяц, за исключением января, — крупные акции) и разнообразие участников обеспечили внимание массмедиа к этой кампании, а значит — существенную источниковую базу. Антон Соболев на основе сообщений базы СМИ «Интегрум» сформировал каталог событий за период существования движения (более 450 событий в 75 регионах) и проверил взаимосвязь между региональными факторами и масштабом коллективных действий (Соболев, 2013). Так, Хагеманн и Куфенко собрали информацию о протестных акциях 2011–2012 гг. для проверки гипотезы о связи социально-экономического неравенства и участия населения в протестных действиях (Hagemann, Kufenko, 2016). Михаил Габович, Манарша Исаева и Ольга Свешникова создали базу данных PEPS — Protest Events, Photos, and Slogans («Акции протеста, фотографии и лозунги»), в которой протестные события дезагрегируются до уровня отдельных лозунгов (Gabowitsch, 2016). Отличие этого каталога не только в попытке «распаковать» событие до уровня лозунгов, но и в опоре на широкий круг источников (СМИ, блоги, фотосервисы, социальные сети). Данные PEPS были использованы для анализа кампании «За частные выборы!» (Gabowitsch, 2012, 2013), стратегий фреймирования организаторами событий кампании (Завадская, Савельева, 2014), а также влияния кооптации партийных лидеров и активистов на мобилизацию (Dollbaum, 2017).

Событийные каталоги протестов в России также создаются для прикладных задач, в первую очередь мониторинга социально-экономической напряженности. Таковым является мониторинг трудовых протестов, составляемый Петром Бизюковым в Центре социальных и трудовых прав с 2008 года по настоящий момент. Бизюков указывает на недостатки государственного учета трудовых конфликтов: с 2008 по 2015 год, согласно своей методике, он зафиксировал 1688 трудовых протестов, под которыми понимается «открытая форма трудового конфликта, в рамках которого работники предприятия (организации, корпорации) или трудовая группа предпринимают действия, направленные на отстаивание своей социально-трудовой позиции путем воздействия на работодателя или других субъектов, способных определять позицию работодателя, с целью ее изменения» (Бизюков, 2017), тогда как Госкомстат за этот же период отмечает лишь 42 забастовки. Проблемы государственной статистики трудовых конфликтов отмечаются и в других исследованиях (Козина, 2009), поэтому мониторинг ЦСТП является значимой альтернативой, поскольку построен на прозрачной кодировочной схеме и широком круге источников (более 80 СМИ, профсоюзных и активистских ресурсов, других интернет-источников). Однако в связи с фокусом на трудовых протестах мониторинг оставляет без внимания значительную часть протестной активности. Похожий мониторинг ведет Центр экономических и политических реформ, ко-

торый использует широкую категорию «трудовой конфликт» для отслеживания социально-экономической напряженности, однако методику сбора и обработки данных проект не раскрывает, в результате их данные значительно расходятся с оценками ЦСТП: за 2016 год ЦЭПР зафиксировал лишь 116 трудовых протестов (ЦЭПР, 2016).

Другой попыткой применить событийный анализ для оценки социально-политической ситуации стал Мониторинг социально-экономической и политической напряженности Комитета гражданских инициатив⁷. Протестная активность (число протестных акций в регионах России, разделенных по тематическому рубрикатору) выступает одним из показателей оценки уровня напряженности в регионе, наряду с социально-экономическими и политическими индикаторами, т. е. не является самостоятельным объектом изучения. В методике указывается, что источниками для оценки протестной активности выступают «сообщения СМИ и информационных агентств о публичных акциях (митингах, шествиях, пикетах, сходах, забастовках, голодовках и др.)». За 2,5 года наблюдений (с 2014 года) исследователи зафиксировали более 3000 акций протеста⁸.

Таблица 1. Исследования мобилизации в России с применением событийного анализа

Исследование	Период и география охвата	Единица анализа	Источники
Beissinger, 1996, 2002	СССР, 1987–1992	Демонстрации Массовые акции с применением насилия Забастовки	Массмедиа
PRODAT SPb	Санкт-Петербург	Протестные события	Массмедиа
Robertson, 2011	Россия, 1997–2000	Протестные события	Отчеты полиции
Robertson, 2013	Россия, 2007–2011	Протестные события	Институт коллективного действия
Lankina, 2015	Россия, 2007–2012	Протестные события	namarsh.ru
Evans, 2016	Волжский, Череповец, Комсомольск-на-Амуре	Протестные события	Региональные СМИ
Gabowitch, 2016	Россия, 2011–2013	Лозунги	СМИ, блоги, социальные сети
Бизюков, 2017	Россия, 2008–2016	Трудовые конфликты	Федеральные СМИ, специализированные ресурсы
Мониторинг ЦЭПР	Россия, 2015–2016	Трудовые конфликты	Федеральные СМИ

7. <https://komitetgi.ru/projects/2901/>

8. Данные получены в личной переписке с авторами проекта.

Мониторинг КГИ	Россия, 2014–н. в.	Протестные события	Федеральные СМИ
OVD-Info	Россия, 2011–2017	Политические преследования	Правозащитные организации

Из вышеприведенного анализа можно сделать вывод, что событийный анализ протестов уже закрепился как инструмент анализа и в прикладных, и в аналитических исследованиях, посвященных России. В таблице 1 приводится список существующих исследований и их основные характеристики. Однако практика применения этого инструмента отличается рядом проблем: во-первых, доступ почти ко всем каталогам ограничен (большинство можно получить только через личные контакты, если вообще возможно); во-вторых, в ряде случаев отсутствует подробное описание процесса сбора и кодирования информации, процедур проверки надежности и релевантности собранных данных; в-третьих, исследователи редко производят оценку смещений и кросс-валидацию полученных данных. Попытка решить эти проблемы вылилась в необходимость создания собственной базы данных протестных событий, основанной на альтернативных источниках и кодировочной схеме, что дало возможность выработать некоторые правила, позволяющие преодолеть неизбежно возникающие в ходе событийного анализа трудности.

Составление каталогов событий: этапы, правила и процедуры

Как и любое исследование, составление каталога протестных событий зависит напрямую от исследовательского вопроса. Одни исследования посвящены определенным типам протеста (например, трудовым конфликтам или крупным демонстрациям), другие охватывают широкий спектр форм предъявления требований, третьи в фокусе имеют ситуацию (например, конфликта), которая может впоследствии вылиться в мобилизацию, наконец, четвертые описывают целые протестные кампании. Марк Бейссингер в своей работе о националистической мобилизации, описывая методику сбора данных о событиях протеста, отмечает: «Исследователи должны решить, какие формы действий заслуживают анализа, какие характеристики этих действий заслуживают внимания, какие источники могут быть использованы, наконец, как будет организован процесс сбора информации. В хорошем исследовании решения относительно этих вопросов должны основываться на взаимодействии теории и контекста» (Beissinger, 2002: 460).

Действительно, при составлении каталогов событий изначальные схемы (например, переменные для анализа) могут быть изменены в процессе сбора и обработки информации в силу недоступности данных или специфики исследуемых форм активности. В связи с этим событийный анализ требует, с одной стороны, точности в формулировках и следовании протоколу сбора и обработки данных, с другой — известной степени гибкости в работе с самими данными, чтобы учитывать три типа возможных систематических ошибок (bias): ошибка отбора ин-

формации (selection bias), связанная с тем, что журналисты избирательно подходят к освещению разных событий; ошибка описания (description bias), связанная с неточностью и неполнотой информации о событиях в источниках; и исследовательские ошибки (research bias), связанные с неточностью ручного или автоматического кодирования (Hutter, 2014). Систематические ошибки сказываются на полноте и качестве итоговых каталогов, например, исследования показывают, что СМИ склонны больше и полнее описывать масштабные события, которые происходят в крупных городах, а также связаны с применением насилия. Отдельные характеристики события могут систематически игнорироваться (например, организаторы), что вызывает необходимость разработки альтернативных методов атрибутирования данных характеристик. Наконец, в случае ручного кодирования могут возникать систематические ошибки, если процедуры недостаточно ясны. Ряд инструментов, о которых речь пойдет ниже, позволяют контролировать систематические ошибки, однако для их оценки рекомендуется проведение пилотных исследований на небольшой выборке источников, чтобы избежать наиболее существенных смещений, изначально «прощупать» эмпирический контекст.

Первый этап событийного анализа — определение единицы наблюдения и ее ключевых характеристик. Так, в фокусе внимания Тилли оказываются «протестные собрания» — «ситуации, в которых десять и более человек, не связанных с правительством, собираются в одном месте для предъявления требований в видимой форме, и которые, будучи реализованными, затронут интересы отдельных людей или групп, не входящих в данное собрание» (Tilly, Schweitzer, 1977: 14). Рухт предлагает определять протестное событие как «коллективные, публичные действия неправительственных авторов, посредством которых выражается критика или несогласие и артикулируются социальные или политические требования (Rucht, Ohlemacher, 1992: 4). Бейссингер выделяет пять существенных характеристик понятия «демонстрация», включая добровольный характер участия, ограниченность во времени и пространстве, порог численности (не менее 100 человек) (Beissinger, 2002: 462). В зависимости от исследовательского вопроса и выбора единицы наблюдения из каталогов могут исключаться проправительственные акции, протесты низкой интенсивности, неконвенциональные формы протеста.

При создании базы данных «Состязательная политика в России» мы адаптировали подход Тилли и его коллег и определили базовую единицу наблюдения как «протестное событие» — «ограниченная во времени и пространстве ситуация публичного предъявления требований государству или третьим лицам на территории Российской Федерации». Другими словами, чтобы быть включенным в базу, событие должно было обладать свойствами законченности и публичности, произойти на территории России и содержать требования. Отсутствие порога численности позволило нам зафиксировать такие формы, как одиночные пикеты (их использование получило особенное распространение в связи с ужесточением законодательства о массовых акциях), голодовки, флешмобы и другие немассовые формы мобилизации. Так как нас интересовала динамика, а не замеры состояния

мобилизации в определенный период, низкий порог чувствительности позволил отслеживать низкоинтенсивные формы коллективного действия и их роль в формировании протестного цикла (Семенов, 2016). Важными являются также такие характеристики, как локализация во времени и пространстве, основной принцип здесь — создание таких переменных, которые позволяют без существенных затрат (дез)агрегировать единицы наблюдения до нужного уровня. Трудности возникают, например, в связи с проведением широких кросс-региональных кампаний, события которых явно не являются «независимыми» единицами наблюдения, в таком случае целесообразно вводить отдельную переменную-индикатор и, возможно, уникальный номер самой кампании. Другой проблемой могут быть продолжительные протесты (более суток), которые требуют введения переменной «продолжительность», а также четких критериев разграничения во времени от других событий, например, разрыв в активности более 24 часов между отдельными проявлениями активности.

Следующий этап — организация процесса сбора и обработки информации, в первую очередь определение списка источников информации, правил кодировки (коудбук) и хранения, составление протокола действий в ситуациях неоднозначности. Как уже отмечалось, отбор источников — ключевой, поскольку от последних зависит характер смещений в отборе событий. Самым распространенным источником выступают сообщения в СМИ, но также используются отчеты органов внутренних дел или уведомления о проведении публичных акций в муниципалитет, дневники наблюдения или агрегаторы (Лобанова, Семенов, 2013). Каждый из способов имеет свои ограничения, один из вариантов решения проблемы смещений, если источником выступают СМИ, это формирование выборки, например, отбор только итоговых выпусков ежедневных газет или, наоборот, только выпуска в понедельник (Kriesi et al., 1995). Другим вариантом является опора на репозитории медийных сообщений и работа со стандартизированными запросами в них. На этой методике основана наша база данных: поиск в ней осуществлялся по запросу «акция протеста» в заранее оговоренном круге источников, по которым формировалась выборка сообщений. Формулировка запроса была выбрана в результате сравнения с альтернативными вариантами и, например, запросами по сочетаниям слов «пикет», «митинг», «демонстрация», которые оказались нечувствительными к целому ряду других форм мобилизации. В источники были включены все виды региональных СМИ, чтобы максимально полно охватить кросс-региональную вариацию. Число сообщений в системе «Интегрум» за период 2000–2016 гг. отображено на графике 1.

Из графика видно, что 2005-й (более 28 тыс. сообщений) и 2011–2013 гг. (81–87 тыс. сообщений) являются пиками по количеству сообщений, что связано с периодами мобилизации в России (протестами против монетизации льгот и кампанией «За честные выборы»). График также отражает очевидный кумулятивный эффект включения все большего количества источников в «Интегрум» и рост числа сообщений о протестных событиях, однако скрывает тенденцию российских

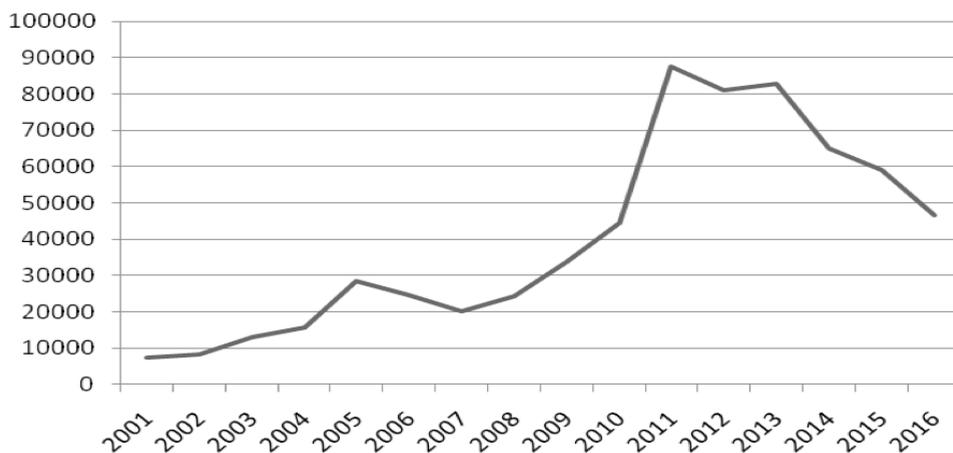

График 1. Количество сообщений по запросу «акция протеста» в БД «Интегрум» за 2000–2016 гг. (введены ограничения по источникам)

СМИ уделять большее внимание акциям протеста за пределами России, в результате чего в пик 2011–2012 гг. попадали события «арабской весны», движения «Оккупай Уолл-стрит» и другие примеры массовой мобилизации.

Далее происходит работа непосредственно с источниками, в которой Дитер Рухт и Фридрихсхайм Нейдхардт выделяют семь этапов: 1) сканирование и копирование источников; 2) отбор источников, которые точно относятся к протестным событиям; 3) сортировка источников согласно темам и кампаниям; 4) чтение статей за определенный период; 5) кодирование протестных событий; 6) отбор проблематичных случаев для последующего группового обсуждения или решения координатора проекта; 7) архивация источников (Rucht, Neidhardt, 1998: 85). Важным моментом при работе с источниками является организация материала в базе данных. Так, каждому наблюдению необходимо присваивать уникальный номер-идентификатор, позволяющий связать его с сохраненными сообщениями, что помогает в дальнейшем легко сопоставить данные записи и первоисточников. В случае множества источников, в том числе — с альтернативной информацией, необходимы правила, позволяющие объединять множество сообщений в одно событие. Другая проблема — если в сообщении содержится информация о более чем одном протестном событии, в таком случае к идентификационному номеру можно добавлять дополнительные символы.

Другим значимым элементом кодировочной процедуры выступает разработка коудбука с описанием переменных и конвенциями применения кодировочных правил. Однако даже наличие четко прописанных правил не снимает до конца неопределенность, особенно на начальных этапах сбора и обработки информации,

в силу систематического отсутствия нужной информации или противоречиях. В таких случаях важно ввести записи обо всех проблемных случаях, устраивать их регулярный разбор командой кодировщиков, вырабатывать конвенции кодирования. Поскольку освоение конвенций требует времени, важно, чтобы кодировщики, по возможности, обрабатывали информацию в присутствии координатора исследования, чтобы оперативно решать возникающие проблемы (так называемая «полноценная рабочая среда»).

Таблица 2. Источники систематических ошибок и способы их коррекции

Источник систематической ошибки	Варианты решения
Ошибка отбора	Поиск по электронным архивам (множество источников) Применение выборки (случайной или систематической) Учет неопределенности
Ошибка описания	Триангуляция данных Исследовательские конвенции идентификации/классификации
Исследовательские ошибки	Уникальные идентификаторы единиц наблюдения в привязке к источникам Полноценная рабочая среда (full working environment) Контрольная проверка кодирования (intercoder check)

Безусловно, даже соблюдение всех правил и предосторожностей не гарантирует стопроцентной надежности данных. Как и любая процедура, требующая интерпретации, кодировка событий связана в конечном счете с множеством решений отдельных кодировщиков. Тем не менее при соблюдении данных правил влияние систематических ошибок на результат может быть сведено к минимуму. Также для проверки надежности данных можно применять процедуры валидации, например, контрольную проверку кодирования (intercoder check), которая заключается в анализе совпадений между уже произведенной кодировкой и кодировкой, выполненной другим кодировщиком на том же массиве данных. Другие варианты включают анализ описательной статистики (например, построение гистограмм распределений) и сверку полученных данных с данными других проектов.

Таблица 3. Описательная статистика по некоторым переменным

Показатель	2012	2013	Всего
Количество протестов	2400	2075	4475
Количество участников	1 583 017	550 308	2 133 325
Общая продолжительность протестов (в днях)	3253	3186	6439
Количество акций с применением насилия	74	82	156
Количество задержанных участников	4684	2171	6855

Источник: база данных «Состязательная политика в России»

Каковы основные результаты сбора данных? В таблице 3 приведена описательная статистика по некоторым переменным за два года наблюдений. Эти данные демонстрируют разницу между пиком мобилизации — 2012 годом, на который пришлось движение «За честные выборы», и ее спадом в 2013 году. Детальный анализ эмпирического материала требует отдельной статьи, но интересно отметить, что если по абсолютным числам количества участников и акций протеста число «протесто-дней» сократилось незначительно (значит, в 2013 году протесты стали продолжительней), то количество акций с применением насилия и вовсе возросло. Методологически важно отметить не очень высокое качество информации в СМИ по некоторым из показателей. Так, количество участников в принципе не указано в 29 % наблюдений, а по ряду других переменных данные триангулировались из нескольких источников. Тем не менее результаты некоторых статистических тестов демонстрируют достаточную степень надежности данных: количество событий в регионах между годами плотно связаны между собой (коэффициент корреляции составляет 0,89 с доверительным 95 %-ным интервалом между 0,83 и 0,93 на уровне значимости менее 0,001 [см. рис. 1]), а распределение логарифма количества событий в регионах за 2012–2013 гг. близко к нормальному (см. рис. 2 и 3) и проходит тест Шапиро-Уилка (р-уровень значимости — 0,71).

Таблица 4. Список каталогов протестных событий
(адаптировано из: Hutter, 2014)

Название	Географический охват	Период	Единица анализа	Источники	Сайт
New social movements in Western Europe (NSM)	Франция, Германия, Швейцария, Нидерланды	1975–1989	Протестное событие	Одна национальная газета на каждую страну	www.unil.ch/fors
Prodat-Protest in Germany (main project)	Германия	1950–2002	Протестное событие	Две национальные газеты	www.wzb.eu
European Protest and Coercion	29 европейских стран	1980–1995	Протестное событие	Reuters и дополнительные источники	web.ku.edu/~ronfran/data
Dynamics of Collective Action	США	1960–1995	Протестное событие	The New York Times	www.stanford.edu/group/collectiveaction
The Transformation of Political Mobilization and Communication in European Public	Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Испания, Швейцария, Великобритания	1990, 1995, 2000–2002	Политические требования	Несколько газет на каждую страну	europub.wzb.eu/
The National Study of Protest Events (NSPE)	США	2010–2011	Протестное событие	Репрезентативный опрос участников	nspe.nd.edu

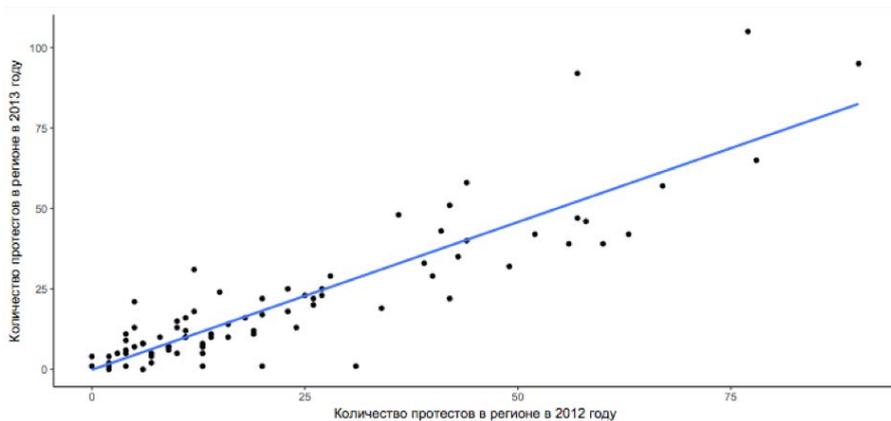

Рис. 1. Диаграмма рассеяния связи количества протестов в регионе в 2012 и 2013 гг. (Москва и Санкт-Петербург исключены). Синим — линейная аппроксимация связи. Источник: ЦСИПИ

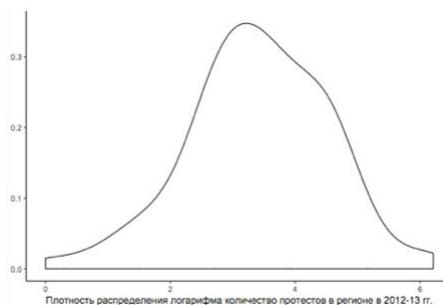
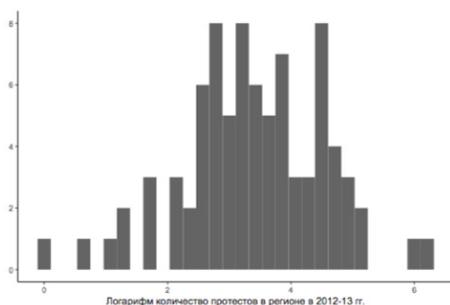

Рис. 2–3. Гистограмма и плотность распределения логарифма протестных акций в регионах в 2012–2013 гг. Источник: ЦСИПИ

Заключение

Составление систематических каталогов протестных событий прочно вошло в инструментарий исследований мобилизации: начиная с пионерских работ Тилли и заканчивая масштабными проектами «больших данных» наподобие GDELT, событийный анализ стал не только инструментом изучения, но и переосмысления ключевых понятий теорий коллективного действия. Так, на основе изучения протестных событий были введены такие концепты, как «структура политических возможностей», «циклы политического протеста», «репертуар коллективных действий» и другие, а составленные каталоги позволили прояснить ряд взаимосвязей между протестными действиями и контекстуальными факторами. Более того, каталоги протестов стимулировали полноценные сравнительные исследования мобилизации.

Важно отметить, что исследователи России не остались в стороне от применения данного метода и начиная с 1990-х годов сформировали мощную традицию ивент-анализа мобилизации в российских условиях. Созданные каталоги являются серьезным дополнением к официальной государственной статистике, которая имеет существенные пробелы, а также позволяют лучше понять динамику и кросс-региональную вариацию протестной активности в России. В последнее время событийный анализ также стал важным инструментом прикладного анализа, в частности, мониторингов социально-политической напряженности в регионах. Пожалуй, основной проблемой остается недоступность баз данных о протестах для других исследований, в результате чего затруднена как репликация уже имеющихся результатов, так и проведение новых исследований.

Построение каталогов протестных событий, достаточно надежных и готовых к использованию другими исследователями, представляет собой нетривиальную задачу. Любой проект, подразумевающий создание таких баз данных, с неизбежностью сталкивается с рядом вызовов, в первую очередь связанных с систематическими ошибками в освещении, описании и кодировании информации. Ряд процедур, таких как триангуляция (использование разных источников) или электронные архивы, полноценная рабочая среда и регулярные встречи кодировщиков, контрольная проверка кодирования могут значительно повысить надежность и точность данных, хотя и не снимают проблемы репрезентативности. Использование процедур автоматического кодирования, вместе с обилием текстовых источников в сети Интернет и расширением возможностей «машинного обучения», являются многообещающими альтернативами «ручному сбору» информации о протестах. Однако даже лучшие алгоритмы вряд ли смогут справиться с проблемами низкого качества сообщений в СМИ, систематического пропуска данных и цензуры, которые, несомненно, присутствуют в российском случае. В этом плане накопление опыта, учет ошибок и вызовов в сочетании с новыми возможностями могут значительно улучшить не только качество сбора и обработки данных, но и наше понимание процессов мобилизации в России и ее регионах.

Литература

- Бизюков П. В. (2017). Методика и информационная база мониторинга трудовых протестов ЦСТП. URL: <http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/1360> (дата доступа: 04.03.2017).
- Завадская М., Савельева Н. (2014). «А можно я как-нибудь сам выберу?»: выборы как «личное дело», процедурная легитимность и мобилизация 2011–2012 годов // Ерпылева С., Магун А. (ред.). Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов. М.: Новое литературное обозрение. С. 219–270.
- Костюшев В. В., Горьковенко В. В. (1999). Социологическое описание коллективных протестных действий: информационная база данных акций протеста (PRODAT-SPb) // Костюшев В. В. (ред.). Общественные движения в современ-

- ной России: от социальной проблемы к коллективному действию. М.: Ин-т социологии РАН. С. 144–177.
- Козина И. М. (2009). Забастовки в современной России // Социологические исследования. № 9. С. 13–24.
- Лобанова О. Ю., Семенов А. В. (2013). Репертуар протестных действий: опыт социокультурного анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1. С. 124–132.
- Лущенка В. (ред.). (2013). Протести, перемоги і репресії в Україні: результати моніторингу 2012 р. К.: Центр дослідження суспільства.
- Семенов А. В. (2016). От экономического кризиса к политическому? Динамика протестных требований в российских регионах (2008–2012 гг.) // Журнал исследований социальной политики. Т. 14. № 2. С. 181–196.
- ЦЭПР. (2016). Мониторинг социально-экономической напряженности в трудовой сфере в 2016 году: итоги. URL: <http://cepr.su/2017/02/16/трудоыые-протесты-в-2016-году> (дата доступа: 04.03.2017).
- Beissinger M. (1996). How Nationalisms Spread: Eastern Europe Adrift the Tides and Cycles of Nationalist Contention // Social Research. Vol. 63. № 1. P. 97–146.
- Beissinger M. (2002). Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. Cambridge: Cambridge University Press.
- Beissinger M., Sasse G. (2014). An End to «Patience»? // Bermeo N., Bartles L. (eds.). Mass Politics in Tough Times: Opinions, Votes and Protest in the Great Recession. Oxford: Oxford University Press. P. 238–245.
- Beyerlein K., Barwis P., Crubaugh B., Carnesecca C. (2016). A New Picture of Protest the National Study of Protest Events // Sociological Methods & Research. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/00491241166661574> (дата доступа: 04.03.2017).
- Danzger M. (1975). Validating Conflict Data // American Sociological Review. Vol. 40. № 5. P. 570–584.
- Davenport C. (1997). From Ballots to Bullets: An Empirical Assessment of How National Elections Influence State Uses of Political Repression // Electoral Studies. Vol. 16. № 4. P. 517–540.
- della Porta D. (2008). Eventful Protest, Global Conflicts // Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory. Vol. 9. № 2. P. 27–56.
- Dollbaum J. M. (2017). Curbing Protest through Elite Co-optation? Regional Protest Mobilization by the Russian Systemic Opposition During the «For Fair Elections» Protests 2011–2012 // Journal of Eurasian Studies. Vol. 8. № 2. P. 109–122.
- Earl J., Martin A., McCarthy J., Soule S. (2004). The Use of Newspaper Data in the Study of Collective Action // Annual Review of Sociology. Vol. 30. P. 65–80.
- Eisinger P. K. (1973). The Conditions of Protest Behavior in American Cities // American Political Science Review. Vol. 67. № 1. P. 11–28.
- Ekiert G., Kubik J. (1998). Contentious Politics in New Democracies: East Germany, Hungary, Poland, and Slovakia, 1989–93 // World Politics. Vol. 50. № 4. P. 547–581.

- Evans A.* (2016). Protest Patterns in Provincial Russia: A Paired Comparison of Company Towns // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 51. № 4. P. 456–481.
- Franzosi R.* (2004). *From Words to Numbers: Narrative, Data, and Social Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gabowitsch M.* (2012). Social Media, Mobilization and Protest Slogans in Moscow and Beyond // *Digital Icons*. № 7. P. 213–225.
- Gabowitsch M.* (2013). *Putin kaputt! Russlands neue Protestkultur*. Berlin: Suhrkamp.
- Gabowitsch M.* (2016). *Protest in Putin's Russia*. Cambridge: Polity Press.
- Hagemann H., Kufenko V.* (2016). Economic, Structural and Socio-Psychological Determinants of Protests in Russia during 2011–2012 // *Economics of Transition*. Vol. 24. № 1. P. 3–30.
- Hocke P.* (1999). Determining the Selection Bias in Local and National Newspaper Reports on Protest Events // *Rucht D., Koopmans R., Neidhardt F.* (eds.). *Acts of Dissent: New Developments in the Study of Protest*. Lahman: Rowman & Littlefield. P. 131–163.
- Hutter S.* (2014) *Protest Event Analysis and Its Offspring* // *della Porta D.* (ed.). *Methodological Practices in Social Movement Research*. Oxford: Oxford University Press. P. 335–367.
- Imig D., Tarrow S.* (2001). *Contentious Europeans: Protest and Politics in an Integrating Europe*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Jenkins J., Schock K.* (1992). Global Structures and Political Processes in the Study of Domestic Political Conflict // *Annual Review of Sociology*. Vol. 18. P. 161–185.
- Koopmans R., Statham P.* (1999). Political Claims Analysis: Integrating Protest Event and Political Discourse Approaches // *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 4. № 2. P. 203–221.
- Kriesi H.* (Hg.). (1981). *Politische Aktivierung in der Schweiz, 1945–1978*. Diessenhodder: Rüeegger.
- Kriesi H., Koopmans R., Duyvendak J. W., Giugni M. G.* (1995). *New Social Movements in Western Europe: A Comparative Analysis*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Kriesi H., Grande E., Dolezal M., Helbling M., Höglinger D., Hutter S., Wüest B.* (2012). *Political Conflict in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lankina T., Skovoroda R.* (2016). Regional Protest and Electoral Fraud: Evidence from Analysis of New Data on Russian Protest // *East European Politics*. Vol. 33. № 2. P. 253–274.
- Lankina T., Voznaya A.* (2015). New Data on Protest Trends in Russia's Regions // *Europe-Asia Studies*. Vol. 67. № 2. P. 327–342.
- Leetaru K., Schrodt P.* (2013). GDELT: Global Data on Events, Location, and Tone, 1979–2012. URL: <http://data.gdeltproject.org/documentation/ISA.2013.GDELT.pdf> (дата доступа: 04.03.2017).
- McAdam D.* (1982). *Political Process and the Development of Black Insurgency 1930–1970*. Chicago: University of Chicago Press.

- McCarthy J. D., Zald M. N.* (1977). Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // *American Journal of Sociology*. Vol. 82. № 6. P. 1212–1241.
- Olson M.* (2009). *The Logic of Collective Action*. Cambridge: Harvard University Press.
- Opp K.* (2009). *Theories of Political Protest and Social Movements: A Multidisciplinary Introduction, Critique, and Synthesis*. L.: Routledge.
- Ortiz D., Myers D., Walls E., Diaz M.-E.* (2005). Where Do We Stand with Newspaper Data? // *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 10. № 3. P. 397–419.
- Robertson D. W.* (1946). A Note on the Classical Origin of «Circumstances» in the Medieval Confessional // *Studies in Philology*. Vol. 43. № 1. P. 6–14.
- Robertson G.* (2011). *The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-communist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Robertson G.* (2013). *Protesting Putinism: The Election Protests of 2011–2012 in Broader Perspective* // *Problems of Post-Communism*. Vol. 60. № 2. P. 11–23.
- Rucht D., Ohlemacher T.* (1992). *Protest Event Data: Collection, Uses and Perspectives* // *Diani M., Eyerman R.* (eds.). *Studying Collective Action*. L.: Sage. P. 76–106.
- Rucht D., Koopmans R., Neidhardt F.* (eds.). (1999). *Acts of Dissent: New Developments in the Study of Protest*. Lahman: Rowman & Littlefield.
- Russett B., Deutsch K., Alker H., Lasswell H.* (1968). *World Handbook of Political and Social Indicators, 1961–1963*. Ann Arbor: Inter-university Consortium for Political and Social Research.
- Schrodt P., Hall B.* (2006). *Twenty Years of the Kansas Event Data System Project* // *The Political Methodologist*. Vol. 14. № 1. P. 2–8.
- Tarrow S.* (1993). *Cycles of Collective Action: Between Moments of Madness and the Repertoire of Contention* // *Social Science History*. Vol. 17. № 2. P. 281–307.
- Taylor C., Hudson M.* (1975). *World Handbook of Political and Social Indicators II: 1948–1967: Annual Event Data*. Ann Arbor: Inter-university Consortium for Political and Social Research.
- Taylor C., Jodice D.* (1986). *World Handbook of Political and Social Indicators III: 1948–1982*. Ann Arbor: Inter-university Consortium for Political and Social Research.
- Tilly Ch.* (1986). *The Contentious French*. Cambridge: Harvard University Press.
- Tilly Ch.* (1995). *Popular Contention in Britain*. Cambridge: Harvard University Press.
- Tilly Ch.* (2002). *Event Catalogs as Theories* // *Sociological Theory*. Vol. 20. № 2. P. 248–254.
- Tilly Ch., Schweitzer R.* (1977). *Contentious Gatherings in Great Britain, 1828–1834: Provisional Plans for Enumeration and Coding*. URL: <https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/50925/150.pdf> (дата доступа: 04.03.2017).
- Titarenko L., McCarthy J., McPhail C., Augustyn B.* (2001). *The Interaction of State Repression, Protest Form and Protest Sponsor Strength during the Transition from Communism in Minsk, Belarus, 1990–1995* // *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 6. № 2. P. 129–150.
- Wagner-Pacifi R.* (2010). *Theorizing the Restlessness of Events* // *American Journal of Sociology*. Vol. 115. № 5. P. 1351–1386.
- Wagner-Pacifi R.* (2017). *What is an Event?* Chicago: University of Chicago Press.

Protest Event Analysis as a Tool for Political Mobilization Studies

Andrei V. Semenov

Candidate of Political Sciences, Director of the Center for Comparative History and Politics, Assistant Professor of the Department of Political Science, Perm State University

Address: Bukireva, 15, Perm, Russian Federation 614990

E-mail: andreysemeneov@comparativestudies.ru

In this paper, we analyze the scope and limits of protest event-analysis as a tool for studying political mobilization. Event-analysis is a form of content-analysis and allows for the reconstruction of the dynamics of contention and its key characteristics on the basis of different text sources (police and media reports, participatory observations, etc.). The inception of protest event-analysis is closely linked to the development of the comparative method in the social sciences and to the competition between the theories of collective action and social movements. The demand for wide cross-national comparisons and the quantification of social-political phenomena in addition to the pioneering works of Charles Tilly created the preconditions for a systematic collection of information on protest events. Four generations of event analysis led to the formulation of key concepts of collective action theory ("political opportunity structure", "cycle of protest", "repertoire of contention", etc.), and also improved the techniques and procedures of data collection process, for example, by introducing the triangulation of sources using semi-automated coding. We also analyze the sources of systematic bias in data collection process (selective, descriptive, and research) and the possible means of correction. In addition, we compare the event catalogs of Russian protests and point to specifics of this case, namely, spatial heterogeneity, poor quality of media reports in absence of alternative sources, and the bias in media coverage towards big cities. Using the experience of the "Contention Politics in Russia" database development, we propose systematic methods and means which address the challenges of protest event-analysis in regards to Russia.

Keywords: protest event-analysis, political mobilization, collective action, social movements, protest activity, comparative sociology

References

- Beissinger M. (1996) How Nationalisms Spread: Eastern Europe Adrift the Tides and Cycles of Nationalist Contention. *Social Research*, vol. 63, no 1, pp. 97–146.
- Beissinger M. (2002) *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Beissinger M., Sasse G. (2014) An End to "Patience"? *Mass Politics in Tough Times: Opinions, Votes and Protest in the Great Recession* (eds. N. Bermeo, L. Bartles), Oxford: Oxford University Press, pp. 238–245.
- Beyerlein K., Barwis P., Crubaugh B., Carnesecca C. (2016) A New Picture of Protest the National Study of Protest Events. *Sociological Methods & Research*. Available at: <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0049124116661574> (accessed 04 March 2017).
- Bizyukov P. (2017) Metodika i informatsionnaya baza monitoringa trudovyih protestov [Methodics and Information Sources for the Labor Protests Monitoring]. Available at: <http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/1360> (accessed 04 March 2017).
- CEPR (2016) Monitoring sotsialno-ekonomicheskoy napryazhennosti v trudovoy sfere v 2016 godu: itogi [Monitoring of the Social-Economic Tensions in Labour Sphere: The Results of 2016]. Available at: <http://cepr.su/2017/02/16/trudovyye-protestyi-v-2016-godu> (accessed 04 March 2017).
- Danzger M. (1975) Validating Conflict Data. *American Sociological Review*, vol. 40, no 5, pp. 570–584.
- Davenport C. (1997) From Ballots to Bullets: An Empirical Assessment of How National Elections Influence State Uses of Political Repression. *Electoral Studies*, vol. 16, no 4, pp. 517–540.

- della Porta D. (2008) Eventful Protest, Global Conflicts. *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*, vol. 9, no 2, pp. 27–56.
- Dollbaum J.M. (2017) Curbing Protest through Elite Co-optation? Regional Protest Mobilization by the Russian Systemic Opposition During the “For Fair Elections” Protests 2011–2012. *Journal of Eurasian Studies*, vol. 8, no 2, pp. 109–122.
- Earl J., Martin A., McCarthy J., Soule S. (2004) The Use of Newspaper Data in the Study of Collective Action. *Annual Review of Sociology*, vol. 30, pp. 65–80.
- Eisinger P. K. (1973) The Conditions of Protest Behavior in American Cities. *American Political Science Review*, vol. 67, no 1, pp. 11–28.
- Ekiert G., Kubik J. (1998) Contentious Politics in New Democracies: East Germany, Hungary, Poland, and Slovakia, 1989–93. *World Politics*, vol. 50, no 4, pp. 547–581.
- Evans A. (2016) Protest Patterns in Provincial Russia: A Paired Comparison of Company Towns. *Studies in Comparative International Development*, vol. 51, no 4, pp. 456–481.
- Franzosi R. (2004) *From Words to Numbers: Narrative, Data, and Social Science*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Gabowitsch M. (2012) Social Media, Mobilization and Protest Slogans in Moscow and Beyond. *Digital Icons*, no 7, pp. 213–225.
- Gabowitsch M. (2013) *Putin kaputt! Russlands neue Protestkultur*, Berlin: Suhrkamp.
- Gabowitsch M. (2016) *Protest in Putin's Russia*, Cambridge: Polity Press.
- Hagemann H., Kufenko V. (2016) Economic, Structural and Socio-Psychological Determinants of Protests in Russia during 2011–2012. *Economics of Transition*, vol. 24, no 1, pp. 3–30.
- Hocke P. (1999) Determining the Selection Bias in Local and National Newspaper Reports on Protest Events. *Acts of Dissent: New Developments in the Study of Protest* (eds. D. Rucht, R. Koopmans, F. Neidhardt), Lahman: Rowman & Littlefield, pp. 131–163.
- Hutter S. (2014) Protest Event Analysis and Its Offspring. *Methodological Practices in Social Movement Research* (ed. D. della Porta), Oxford: Oxford University Press, pp. 335–367.
- Imig D., Tarrow S. (2001) *Contentious Europeans: Protest and Politics in an Integrating Europe*, Lanham: Rowman & Littlefield.
- Ishchenka V. (ed.) (2013) *Protesty, peremohy i represii v Ukraini: rezultaty monitorynhu 2012 r.* [Protests, Coercion, and Repressions in Ukraine: The Results of 2012 Monitoring], Kiev: Tsentr doslidzhennya suspilstva.
- Jenkins J., Schock K. (1992) Global Structures and Political Processes in the Study of Domestic Political Conflict. *Annual Review of Sociology*, vol. 18, pp. 161–185.
- Koopmans R., Statham P. (1999) Political Claims Analysis: Integrating Protest Event and Political Discourse Approaches. *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 4, no 2, pp. 203–221.
- Kostyushev V., Gorkovenko V. (1999) Sotsiologicheskoe opisaniye kollektivnykh protestnykh deystviy: informatsionnaya baza dannykh aktsiy protesta [Sociological Description of Collective Actions: Information Sources for Protest Events]. *Obschestvennyye dvizheniya v sovremennoy Rossii: ot sotsialnoy problemy k kollektivnomu deystviyu* [Social Movements in Contemporary Russia: from Social Issue to Collective Action] (ed. V. Kostyushev), Moscow: Institut sotsiologii RAN, pp. 144–177.
- Kozina I. M. (2009) Zabastovki v sovremennoy Rossii [Labor Strikes in Contemporary Russia]. *Sociological Studies*, no 9, pp. 13–24.
- Kriesi H. (Hg.) (1981) *Politische Aktivierung in der Schweiz, 1945–1978*, Diessenhodder: Rüeegger.
- Kriesi H., Koopmans R., Duyvendak J. W., Giugni M. G. (1995) *New Social Movements in Western Europe: A Comparative Analysis*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Kriesi H., Grande E., Dolezal M., Helbling M., Höglinger D., Hutter S., Wüest B. (2012) *Political Conflict in Western Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Lankina T., Skovoroda R. (2016) Regional Protest and Electoral Fraud: Evidence from Analysis of New Data on Russian Protest. *East European Politics*, vol. 33, no 2, pp. 253–274.
- Lankina T., Voznaya A. (2015) New Data on Protest Trends in Russia's Regions. *Europe-Asia Studies*, vol. 67, no 2, pp. 327–342.
- Leetaru K., Schrodt P. (2013) GDELT: Global Data on Events, Location, and Tone, 1979–2012. Available at: <http://data.gdeltproject.org/documentation/ISA.2013.GDELT.pdf> (accessed 04 March 2017).

- Lobanova O., Semenov A. (2013) Repertuar protestnyih deystviya: opyt sotsiokulturnogo analiza [Repertoire of Collective Actions: Sociocultural Analysis]. *Vestnik archeologii, antropologii i etnografii*, no 1, pp. 124–132.
- McAdam D. (1982) *Political Process and the Development of Black Insurgency 1930–1970*, Chicago: University of Chicago Press.
- McCarthy J. D., Zald M. N. (1977) Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory. *American Journal of Sociology*, vol. 82, no 6, pp. 1212–1241.
- Olson M. (2009) *The Logic of Collective Action*, Cambridge: Harvard University Press.
- Opp K. (2009) *Theories of Political Protest and Social Movements: A Multidisciplinary Introduction, Critique, and Synthesis*, London: Routledge.
- Ortiz D., Myers D., Walls E., Diaz M.-E. (2005) Where Do We Stand with Newspaper Data?. *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 10, no 3, pp. 397–419.
- Robertson D. W. (1946) A Note on the Classical Origin of “Circumstances” in the Medieval Confessional. *Studies in Philology*, vol. 43, no 1, pp. 6–14.
- Robertson G. (2011) *The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-communist Russia*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Robertson G. (2013). Protesting Putinism: The Election Protests of 2011–2012 in Broader Perspective. *Problems of Post-Communism*, vol. 60, no 2, pp. 11–23.
- Rucht D., Ohlemacher T. (1992) Protest Event Data: Collection, Uses and Perspectives. *Studying Collective Action* (eds. M. Diani, R. Eyerman), London: Sage, pp. 76–106.
- Rucht D., Koopmans R., Neidhardt F. (eds.) (1999) *Acts of Dissent: New Developments in the Study of Protest*, Lahman: Rowman & Littlefield.
- Russett B., Deutsch K., Alker H., Lasswell H. (1968) *World Handbook of Political and Social Indicators, 1961–1963*, Ann Arbor: Inter-university Consortium for Political and Social Research.
- Schrodt P., Hall B. (2006) Twenty Years of the Kansas Event Data System Project. *The Political Methodologist*, vol. 14, no 1, pp. 2–8.
- Semenov A. (2016) Ot ekonomicheskogo krizisa k politicheskomu? Dinamika protestnyih trebovaniy v rossiyskikh regionah (2008–2012 gg.) [From Economic Crisis to Political? The Dynamics of Contention in Russian Regions (2008–2012)]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 14, no 2, pp. 181–196.
- Tarrow S. (1993) Cycles of Collective Action: Between Moments of Madness and the Repertoire of Contention. *Social Science History*, vol. 17, no 2, pp. 281–307.
- Taylor C., Hudson M. (1975) *World Handbook of Political and Social Indicators II: 1948–1967: Annual Event Data*, Ann Arbor: Inter-university Consortium for Political and Social Research.
- Taylor C., Jodice D. (1986) *World Handbook of Political and Social Indicators III: 1948–1982*, Ann Arbor: Inter-university Consortium for Political and Social Research.
- Tilly Ch. (1986) *The Contentious French*, Cambridge: Harvard University Press.
- Tilly Ch. (1995) *Popular Contention in Britain*, Cambridge: Harvard University Press.
- Tilly Ch. (2002) Event Catalogs as Theories. *Sociological Theory*, vol. 20, no 2, pp. 248–254.
- Tilly Ch., Schweitzer R. (1977) Contentious Gatherings in Great Britain, 1828–1834: Provisional Plans for Enumeration and Coding. Available at: <https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/50925/150.pdf> (accessed 04 March 2017).
- Titarenko L., McCarthy J., McPhail C., Augustyn B. (2001) The Interaction of State Repression, Protest Form and Protest Sponsor Strength during the Transition from Communism in Minsk, Belarus, 1990–1995. *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 6, no 2, pp. 129–150.
- Wagner-Pacifci R. (2010) Theorizing the Restlessness of Events. *American Journal of Sociology*, vol. 115, no 5, pp. 1351–1386.
- Wagner-Pacifci R. (2017) *What is an Event?*, Chicago: University of Chicago Press.
- Zavadskaya M., Saveleva N. (2014) “A možno ja kak-nibud sam vyberu?": vybory kak “lichnoe delo”, procedurnaya legitimnost i mobilisatsiya 2011–2012 godov [“Can I Choose for Myself?": Elections as a “Personal Business”, Procedural Legitimacy and Mobilization in 2011–2013]. *Politika apolitichnyh: socialnye dvizenija v Rossii 2011–2013 gg.* [The Politics of Apolitical: Social Movement in Russia, 2011–2013] (eds. S. Erpyleva, A. Magun), Moscow: New Literary Observer, pp. 219–270.